

Валерия Леман
«Восьмерка, которая не умела любить»
Отрывок.

Воспоминания – опасная вещь, они могут завести тебя бог весть куда.

– Ален, вернись!

Заки щелкал пальцами перед моим лицом.

Я тряхнул головой и допил свой коньяк.

– Кася...

– Кася, – вздохнул Заки, скромно потупившись. – Да, я, конечно, был не прав.

Отбивать девушку у друга...

– Да пошел ты!

Коньячная бутылка была пуста. Я встал, чувствуя, что не совсем твердо держусь на ногах. И предложил:

– Идем еще раз посмотрим запись.

– Давай.

Нужно было убедиться, что мои предположения правильны и мальчишник действительно заснят в фотостудии Каси.

Мы снова прокрутили всю запись с самого начала.

Дети в парке, короткая пауза. Затем мы смотрели уже внимательнее: лысый парень в широких джинсах явно говорил тост, торжественно поднимая стакан и ухмыляясь; фоном ему служила черная стена. Голубоглазый душка и наш знакомец-мертвец также красовались на черном фоне, а за спиной мертвеца можно было разглядеть белый уголок фотографии в тонкой металлической рамке.

Заки от напряжения прикусил губу.

– Это ее диван, – решительно заявил он, в очередной раз лицезрея на экране себя, любимого. – Точно.

Я немного отмотал пленку назад – мне показалось, что когда камера, переходя с одного персонажа на другой, слегка дернулась, мелькнуло что-то еще. Стоп-кадр позволил рассмотреть острый уголок серебряной звезды из фольги в верхнем правом углу. Сомнений не осталось.

– Салют! – раздался в этот момент жизнерадостный голос Васька Щекина. И он сам, румяный и энергичный, влетел в комнату и живо уставился на экранное лицо давешнего мертвеца. – Ого! Это его пришили сегодня ночью? Я видел в утренних новостях.

Тут мы с Заки уставились на Васька.

– И что сказали в утренних новостях?

Васек с удивлением посмотрел на нас.

– Да ничего такого. Парень был главным редактором иллюстрированного журнала, и кто-то пристрелил его ночью прямо у подъезда дома, когда он возвращался от знакомого. Но, ей-богу, о том, что его пришили вы, ничего не говорилось.

Васек обожает добрую шутку.

Расследование начинается

Все было под контролем: Заки в несколько подавленном настроении отправился принимать расслабляющую ванну с солями Мертвого моря; Васек, перекусив на кухне и высоко оценив мой кулинарный талант, кинулся в оранжерею, где запланировал произвести подкормку нескольких кофейных кустов; я же пешком отправился к ближайшему киоску за последними газетными новостями.

Васек оказался прав, наш мертвец до того, как стал таковым, являлся главным редактором «толстого» мужского иллюстрированного журнала «Сэр», и его действительно обнаружили застреленным у родного подъезда дома-муравейника. Звался

убитый Константином Лиманским, имел жену и двоих детей, а к моменту своей внезапной трагической гибели успел прожить тридцать девять лет.

Разумеется, за столь короткий срок газеты не успели вынюхать ничего особенного. В нескольких полубульварных изданиях я успел прочесть только классические сплетни: дескать, Константин был изрядным бабником и вполне мог пасть жертвой какого-нибудь ревнивца.

В задумчивом настроении я вернулся домой и поднялся в свой кабинет, расположенный рядом со спальней. Там аккуратно вырезал все заметки об убийстве Лиманского, сколол их красной скрепкой и сложил в белую картонную папку, которую покуда убрал в ящик стола. Затем, все более ощущая себя заправским детективом, я напялил черные очки и несколько минут посидел, развалившись в кресле и задумчиво глядя на зашторенное окно.

А подумать было о чем. Ведь, как ни верти, все сводилось к тому, что нужно было позвонить Касе. Второй раз за этот день я вспоминал о ней, но теперь следовало произвести вполне конкретные действия: найти номер телефона в старой записной книжке, нажать соответствующие кнопки на телефонном аппарате и услышать ее голос. Готов ли я был к этому?

Несколько цифр, длинные гудки. Наконец кто-то взял трубку.

– Алло...

– Кася?

Последовала долгая пауза. Потом женский голос сухо произнес слова, от которых земля бы ушла из-под моих ног, если бы я в тот момент не сидел в удобном офисном кресле:

– Разве вы не знаете? Кася умерла полгода назад. Выбросилась из окна.

И в трубке снова загудели, запилили невыносимые короткие гудки.

В 17.20 я созвал военный совет. Обычно, берясь дело, я, как свободный художник, не прибегаю к чьей-либо помощи, но на этот раз мне была необходима дружеская поддержка. Рассадив Васька с Заки на диване в гостиной, я кратко изложил события минувшей ночи (не только для Васька, бывшего полностью в курсе, но и для Заки, который выпил слишком много, чтобы точно помнить, что и как вчера было), а затем сообщил известие, которое узнал, позвонив по Касиному телефону.

Заки стал белым, как мел.

– Этого не может быть, – сказал он.

Классика. Но его голос действительно дрожал, и в глазах было что-то... В общем, что-то.

Васек с любопытством смотрел на нас.

– Понятно, отчего вы взялись за дело, – проговорил он, почесывая затылок. – Но только я-то чем могу помочь? Разбираюсь только в растениях, а эту девушку никогда не знал.

Я все предусмотрел. Поэтому сразу объяснил:

– Ты, Васек, для нас просто бесценен. Я займусь сбором материала, Заки будет смертельно бояться и прятаться в доме (Заки тут же возмущенно замычал, но я сделал успокаивающий жест), а ты станешь вести хозяйство и бегать за спиртным для Заки – за дополнительное жалованье, конечно.

Васек довольно потер руки (студенту лишние деньги никогда не помешают), а мой израильский друг, набычившись, потребовал объяснений по поводу того, почему это он должен бояться и сидеть дома. Я уточнил:

– Мы с тобой, пьяные и счастливые, гнались ночью за человеком, который успел добежать до собственного подъезда и был кем-то застрелен. Где гарантии, что никто не видел и не слышал нас и нашей погони? Быть может, уже сейчас полиции известно о нашем существовании. А настоящий убийца, обрати внимание, никак не засветился. Зато

мы, вполне вероятно, порядком наследили на месте преступления – отпечатки обуви и прочее. Кстати, ты ничего там не потерял? Быть может, пуговица оторвалась или бумажник с документами выпал из кармана во время погони?

Заки обиженно умолк, но по выражению лица было ясно, что моя тирада его напугала. И если в ближайшие двадцать четыре часа он и выйдет из дому, то только для того, чтобы ринуться в Шереметьево на тель-авивский рейс.

– Мда-а, все действительно очень серьезно, – подлил масла в огонь Васек. – Ну, вы и влипли!

– Я хочу есть, – угрюмо заявил Заки.

Васек засвистел и отправился на кухню, а я, взяв в руки блокнот и карандаш, устроился поудобнее в кресле и принялся писать.

Первое. Мне необходимо выяснить, где был Лиманский в ночь смерти, а также хотя бы примерный список его любовниц. В принципе, для этого достаточно прочесть завтрашние газеты, поскольку журналисты кровь из носа постараются раскопать подноготную погибшего с помощью полиции или без. Из газет можно будет узнать и то, какими подозреваемыми располагает следствие в настоящий момент, кроме пылких ревнивцев.

Второе. Следует узнать все про самоубийство Каси. Сомнительно проводить связь между двумя этими смертями, тем более что их разделяет полгода, но, в конце концов, известие о гибели девушки-фотографа потрясло меня не менее, чем вероятность быть заподозренным в убийстве. Я просто должен знать все, включая то, на каком кладбище похоронили мою любовь. Дабы принести цветы на могилу.

– Что ты там пишешь? – сварливо поинтересовался Заки, все еще выглядевший букой. – Опять разыгрываешь из себя детектива... А по-моему, самое для меня разумное, это, не откладывая дело в долгий ящик, купить билет домой и – «прощай, немытая Россия».

– Ага, – хмыкнул я, – желаешь скрыться с места преступления? Интерпол выдаст тебя России, и следователь ехидно поинтересуется, отчего это ты так поспешно покинул страну, если никаким боком не замешан в убийстве. И как же ты объяснишь нашу нелепую погоню в три часа ночи за незнакомым человеком? Скажешь: «Господин следователь, я просто решил подурочиться, вспомнить детство, вот и погнался за каким-то дядькой, а того вдруг кто-то взял да и застрелил у нас под носом»? Разумеется, тебя сразу отпустят.

– Заткнись! – огрызнулся неблагодарный и отправился на кухню.

Почти сразу же оттуда появился улыбающийся Васек и, продемонстрировав солидные бумажные купюры в руке, заявил, что идет за коньяком, а за кастрюлями пока присмотрит Заки.

Ну что ж, пока все шло, как и ожидалось: Заки умирает от страха, Васек бежит за спиртным, а я думаю, что делать дальше.

Из кухни донеслось бравурное пение. Я крикнул как можно громче: «Лучше постарайся вспомнить о той вечеринке!» И отправился в сад – закапывать наши мокасины, «наследившие» на месте преступления. На всякий случай.

Исчезновение Заки

Когда Васек вернулся с целой батареей коньяка, я смотрел телевизор – в вечерних новостях журналисты аналитически размышляли о смерти коллеги.

Итак, следствие, по всей видимости, топчется на месте: Лиманскому никто не угрожал, он не был замешан ни в одном скандале, не казался удрученным или озабоченным. Жена его в шоке, сотрудники журнала – тоже. Никому не приходило в голову, за что можно было грохнуть такого милого и обаятельного парня. Просто песня.

Откуда возвращался убитый среди ночи, оставалось неизвестным. Жене Константин

позвонил вечером с работы и сказал, что задержится, поскольку договорился о встрече, связанной «с его расследованием». Что это за расследование, состоялась ли встреча, выяснить пока не удалось ни официальному следствию, ни журналистам, и теперь наверняка не один газетчик воспользуется данным фактом для эффектных заголовков типа: «Журналистское расследование – опасно для жизни!»

В остальном нового для себя я не узнал – никто ничего не видел, никто ничего не слышал, народ мирно спал. Одна смазливая тележурналистка, правда, намекнула на гнусные инсинуации по поводу сексуальной ориентации Лиманского, но ее немедленно оборвали. Вот и все, что сообщили телесплетники.

Получалось, я знаю больше других. Некогда Лиманский был на вечеринке у Каси вместе с Заки, и эта вечеринка что-то да значила, раз ее запись оказалась на флэшке, болтавшейся на шнурке на его запястье в момент смерти. Мне также предположительно известно время вечеринки: поскольку Кася погибла полгода назад, а Заки покинул Москву прошлым летом, то, скорее всего, запись была сделана год назад, до отъезда Заки после обмывки диплома ВГИКа.

Какая связь между смертью Каси и Константина Лиманского? Возможно, что и никакой. Кася, как всякая творческая личность, могла переживать депрессию, итогом которой и стал прыжок в окно. А Лиманского, вполне вероятно, прихлопнул какой-нибудь психопат – в наши дни каждый, имея желание, способен вооружиться до зубов. И все же чутье подсказывало мне, что все в этом деле стянуто в один узел: Кася – Лиманский – Заки.

Лиманский являлся редактором иллюстрированного журнала, Кася была фотографом. Она могла работать у него, что и обусловило приглашение шефа на таинственную вечеринку, к которой я все время мысленно возвращался.

Зачем было собирать у себя столь разных людей? Почему на записи не видно ни одной девушки? Кто вел съемку? И почему видеосъемка столь резко оборвалась? Стоило наведаться в редакцию журнала «Сэр», чтобы попытаться раздобыть чуть больше информации о покойном. Быть может, это выведет меня на подробности жизни Каси?

Я поднялся в кабинет, достал белую папку и подколот к газетному архиву свои записи, после чего спустился вниз.

В гостиной все так же в ползвуча работал телевизор. Очевидно, для рыбок в аквариуме, потому что других живых существ в комнате не наблюдалось. Я прошел на кухню.

Здесь тоже никого не имелось, хотя глиняные горшочки с благоухающим жарким были горячими, словно их только что вынули из духовки. На столе на террасе были расставлены плоские тарелки и даже нарезан хлеб. И – никого.

Почувствовав тревогу, я направился к мягко освещенной изнутри оранжерее и, пройдя в ряд кофейных деревьев, увидел склонившегося над молодым кустом Васька.

– Ты чего? – удивился тот, бросив на меня короткий взгляд и тут же распрямляясь. – Что-то случилось?

– Не знаю. – Я для чего-то огляделся. – Кажется, Заки пропал.

– Пропал? – еще больше удивился Васек, снимая испачканные землей перчатки. – Хм, только что резал хлеб на террасе. Я лично достал жаркое из духовки и, пока горшочки остывают, решил закончить свою работу здесь, а Заки попросил нарезать хлеб. Куда же он делся?

Хотел бы я это знать! С другими людьми подобных вопросов просто не возникает, но мой друг – особый случай. Заки способен встретить снежного человека или быть укушенным акулой в центре Москвы, утонуть в ванне – перечислять варианты можно бесконечно. Я внезапно проговорил вслух детскую считалочку: «Раз, два, три, четыре, пять – я иду искать». Васек посмотрел на меня, как на больного, и промолчал. А что тут скажешь? Если Заки не найти...

И я пошел искать.

Я иду искать

Васек с явным удовольствием остался в доме за хозяина – поедать жаркое по-деревенски в горшочках и пить коньяк, а я, не рискнув сесть за руль моего лимонного «Пежо», прошелся с полквартиры, прежде чем поймал такси.

Вопрос «Где искать Заки?» остался бы без ответа, если бы я стал строить предположения о том, что могло случиться с моим другом в те пять-десять минут, что тот резал хлеб на террасе. Повторюсь, список возможных его приключений безграничен. Поэтому я просто отправился в доброе старое общежитие Школы на Галушкина, чувствуя необъяснимое доверие к этому варианту.

Впрочем, возможно, дело тут не в моей изумительной интуиции, а в простом знании предмета, то есть Заки. Легко представить, как он, нарезая хлеб и чувствуя себя при этом глубоко несчастным, мысленно накручивает одно на другое: статус главного подозреваемого в убийстве, присутствие невидимого убийцы, смерть Каси... В конце концов, его нежная натура должна была возопить: «Хочу радости, веселья, удовольствий!» Заки просто обязан был кинуться в омут разгула, чтобы не умереть от страха и тоски. А уж лучше общаги, где прошла его бурная юность, для разгула ничего не придумаешь.

Уже начинало темнеть, когда я подъехал к шестнадцатизэтажной махине общежития с ярко освещенным стеклянным входом под козырьком. Сидя на ступеньках, молодые латины курили, что-то бойко обсуждая на своем гортанном языке. Входная дверь была вдребезги разбита (кто-то смел осколки в угол), и я в очередной раз восхитился темпераментом вгиковцев – нигде больше не пьют с таким размахом. Что ж, если Заки здесь, то его легко понять.

А он действительно оказался здесь – у давешних экономисток на пятом этаже. Сидел, по-турецки скрестив ноги, посреди разложенного двойного дивана и с чувством исполнял свою любимую песню про «конфетки-бараночки». Одно это уже говорило о хорошей кондиции.

– Брат! – закричал Заки развязно, едва я появился в комнате. – Представь себе, я был прав – Света не экономистка, киновед. Скажи ему, Света!

Я сел у стола рядом с той самой девушкой, показавшейся мне сейчас даже еще симпатичнее, чем в прошлый раз. Она благосклонно улыбнулась, грациозно налила мне чаю и подтвердила, что учится на киноведческом.

– Здесь я просто в гостях у девочек, а вообще-то мои апартаменты на десятом. Так что приглашаю, заходите, если что.

«Если что!» Я посмотрел на длинные голые ноги Светы и решил, что это самое «если что» случится очень скоро.

– А где же хозяйки? – продолжил я светскую беседу.

– Отправились за спиртным, – лучезарно улыбнулась киноведка. – У нас ведь тут целый детектив: погиб знакомый Заки, и в него тоже стреляли.

– Стреляли? В него?

Если они оба хотели меня удивить, то это им вполне удалось: я едва рот не разинул от удивления. Впрочем, тут же уточнил другой аспект.

– Убитый знакомый, вот как... – Я повернул голову и грозно уставился на Заки, невинно устремившего на меня прозрачные глаза. – Значит ли это, что ты признал в редакторе «Сэра» закадычного друга, или убит кто-то еще?

Заки вместо ответа предпочел вздохнуть и скромно отвести взор в другую сторону. С милым достоинством он сидел, сложа ручки, все в той же позе турка, глядя куда-то в даль.

– Никого я не признал, – все же соизволил ответить он наконец. – Просто, раз мы вместе гуляли, значит, были знакомы. Его застрелили, и вот теперь – моя очередь.

– Ты видел входную дверь? – встряла в беседу киновед Света. – Так вот, разбилась она от выстрела. Стреляли, когда Заки заходил в общежитие. Его спасло только то, что он споткнулся. Но, разумеется, об этом никто не знает, кроме нас – все, включая вахтершу, решили, будто кто-то кинул камень.

Заки все смотрел куда-то мечтательно. Я встал и двинулся к нему, преисполненный решимости силой вытрясти из его тщедушного тела все, начиная с причины внезапного исчезновения из моего дома. Но тут дверь блока распахнулась и ввалилась целая орава девушек и парней – очевидно, вернулась делегация, отправившаяся за запасом спиртного.

Все закружилось. Немедленно загрела музыка, пространство обеих комнат блока, а также прихожей с ванной и туалетом заполнилось людьми, голосами, визгом. Девушки принялись расставлять на столе бутылки, рюмки и стаканы, танцевать, галдеть и виснуть на парнях, включая меня. Тут мне на помощь пришла Света, усадив рядом с собой и спросив, что я предпочитаю – коньяк, водку или пиво. Я предпочел коньяк.

– За что будем пить? – визгливо выкрикнула щупленькая блондинка в шортах.

– За любовь! – томно замяукали девицы, хихикая.

И мы выпили. За любовь. Потом за женщин. Затем за родителей. И снова за любовь и групповой секс.

Сначала я краем глаза следил за передвижениями Заки, но тот скоро исчез в обществе блондинки в шортах, и я понял, что расследование лучше отложить до утра.

– Хочешь, я покажу тебе свое жилище? – щекотно и горячо прошептала мне на ухо Света, ведя в каком-то сумасшедшем латинском танце. Ее лицо чуть-чуть порозовело, а глаза дивно блестели. Разумеется, я хотел.